

Пробуждение Виктюка

состоялось на премьере
его нового спектакля

Известия — 1999 — 22 июня. С. 7

Алексей ФИЛИППОВ

Можно ли смотреть спектакль, если первые сорок минут ты не понимаешь, о чем, собственно говоря, идет речь? Конечно, можно — пример тому «Пробуждение весны» Ф. Ведекинда, последняя премьера Романа Виктюка. Может ли такой спектакль считаться коммерческим, делать кассу и собирать полный зал? Конечно, может — на «Пробуждении весны» все именно так и происходит. Как хотите, но тут что-то не сходится.

Крепкие полуобнаженные юноши, вооруженные теннисными ракетками, мечутся в такт германскому фронтовому маршу — то ли матч на школьном корте, то ли шабаш неонацистов (которые, впрочем, во времена Ведекинда еще не родились), то ли разборка уличных банд. Мать отчитывает дочку, школьники говорят об экзаменах и девушках — кто эти люди, в какое время они живут, в какой реальности существуют, понять невозможно.

Так видит начало спектакля рядовой, и слыхом не слыхавший о Ведекинде зритель — и ему становится тяжело. То, как реагирует зал, как он старается войти в творющуюся на сцене действительность, ощутимо физически: люди напряженно пытаются понять, что, собственно говоря, происходит, они смотрят на сцену во все глаза, некоторые уходят — это что угодно, но только не коммерческое искусство.

Но что же это в таком случае? Виктюк превращает пьесу в шоу, действие, где (во всяком случае, поначалу) не важен сюжет, где на первый план выходит образный ряд и стоящая за ним эмоция. В спектакле бьется чувство, которое не выражено в словах, — мысль, которая его вела, режиссер сформулировать не пытался. Это театральный экспрессионизм — звуки, краски и страсти должны сложиться в гармонию, а история, которая за ними стоит, вроде бы и не важна.

Всуже кажется, что мы уже в который раз становимся свидетелями и невольными соучастниками странного недоразумения. Такой спектакль был бы уместен в небольшом зале, рассчитанном на свою, с полуслова понимающую режиссера аудиторию. Энтузиасты на сцене, энтузиасты в зале, спектакль создают и зрители, и актеры — это само по себе приносит радость, зачем же еще что-то объяснять? Но его поставили для тысячи человек, и он превратился в пышное, многофигурное, обремененное постановочными эффектами и дорогими костюмами действие.

Когда-то был один Виктюк: режиссер, который работал с большими актерами и ставил точные, ясные, легкие спектакли. Потом он вошел в моду, привык к успеху, почувствовал себя театральным волшебником — и стал прощать себе слишком многое. Он начал повторяться, дублировать собственные постановочные приемы, времена-

ВИКТОР АХЛОНОВ

ми он стал просто скучен... Беда в том, что из постановки в постановку Виктюк рассказывает историю мужской дружбы, и чувство, которое за этим стоит, никак не меняется. «Пробуждение весны» в этом ряду выделяется: здесь режиссер попытался сказать что-то для себя новое. И сказал — когда начал работать с сюжетом пьесы.

«Пробуждение весны» очень странный спектакль: он разламывается на две части, и в первой, занимающей несколько десятков минут, действие не развивается и приращения смысла не происходит. Звучит музыка, мелькают полуобнаженные тела, обрывки ведекиндовской истории не складываются в единое целое. А потом, почти под занавес, режиссер проговаривает ее целиком, и спектакль начинает стремительно нестись к финалу. Мальчика хотели выгнать из школы — и он покончил с собой, директор обвинил в этом его друга, того отравили в исправительное заведение — побег, дорога в никуда... Точнее, на кладбище, на котором похоронены самоубийца и подруга беглеца — родители заставили ее сделать аборт, и она умерла.

Все строго, точно и страшно, без красотостей и вкусовых огрехов — даже то, что педагогический совет превращается в рой огромных шершней с полупрозрачными крыльями из красного пластика, выглядит абсолютно уместно. От героя отрекается мать (зал вздрагивает от вскрика — «в исправительное заведение!»), новые товарищи встречают его с дебильным восторгом. И вот он стоит перед выбором: ему протягивает руку застрелившийся товарищ — в могиле лучше, чем с людьми — и раскрывает объятия дьявол.

Людам свойственно предавать тех, кого они любят, жизнь жестокая и безнадежная штука — зал сидит, вцепившись в подлокотники кресел, и ловит каждое слово, каждый жест. Не коммерческий театр, не прикидывающееся им эстетское действие, собирающее идущих на модное, раскрученное имя зрителей (пожалеем их, они не ведают что творят). Вместо этого в финале «Пробуждения весны» возникает настоящий, хороший театр, напоминающий прежнего Виктюка. Дай бог чтобы на следующей премьере его появления не пришлось так долго ждать.